

* * *

Лишь глоток – лишь воздуха глоток,
Да от ласки влажный локоток,
Да пора – царица полумира
Под звездой в надменной высоте
Тянет руки в бедной наготе
К двойнику античного кумира.

На лице – смирения печать,
Чтоб судьбу смелей обозначать, –
Подобрать бы камни к фероньеркам! –
С виноградом вместе зреет гром,
Чтобы дождь, поставленный ребром,
Удивил павлиньим фейерверком.

На ресницах – мраморная пыль,
Колосится высохший ковыль,
Да венком сплетается пыльным
Эта степь, истекшая не зря
Горьковатым соком сентября,
С шепотком акаций по долинам.

Не найти заветного кольца,
Не поймать залётного птенца –
Улетит с другими он далёко, –
В розовой раковине дня
Слышен гул подземного огня,
Ропот слеп, как гипсовое око.

Станут нити в иглы продевать,
Чтоб лоскутья времени сшивать,
Изумлять виденьем карнавала,
Где от масок тесно и пестро
И пристрастья лезвие остро,
А участия как и не бывало.

Полно вам печалиться о ней,
Круговой невнятице теней, –
Не объять причины увяданья –
И в тиши, растущей за стеной,
Дорогою куплено ценой
Отрешенье – символ оправданья.

* * *

Бледнеют в доме зеркала
И открываются провалы,
Куда луна бы завела, –
Ты скажешь: «Чаша миновала!»

Как фосфор в пепельном окне,
Струится свет привадой сладкой, –
Ты скажешь: «В дальней стороне
Охапку писем жгут украдкой».

Заворожённые часы
Бегут над бездною рысцою –
И слух ложится на весы
Цветочной сахарной пыльюю.

Сквозь сон мерещится родник,
Стволов поящий изобилье, –
И мрачен мраморный ночник –
Сова, расправившая крылья.

И тополь не вполне здоров,
Хоть это кажется причудой,
И двор заставлен до краёв
Луны фарфоровой посудой.

Горшечник встал из-под земли –
И, притяжением разбужен,
Осознаёт, что там, вдали,
Он тоже вымыслен и нужен.

Вращайся всласть, гончарный круг,
Рождай тела созданий полей,
Пока добраться недосуг
Туда, где вербы дремлют в сёлах,

Туда, где слишком нелегко
Сдержать стенания сомнамбул
О мире, ждущем высоко, –
О том, где ты едва ли сам был.

* * *

Если можешь, хоть это не тронь –
Не тревога ли в душу запала? –
И зажётся в окошке огонь,
И вихры тишина растрепала.

Сколько хочешь, об этом молчи,
Не твоё ли молчание – золото?
В сердцевине горящей свечи
Всё увидишь, что издавна свято.

Всё найдёшь в этом сгустке тепла,
В этой капле томленья и жара –
Напряженье живого крыла
И предчувствие Божьего дара.

Всё присутствует в этом огне,
Что напутствует в хаосе смуты –
Потому-то и радостно мне,
Хоть и горестно мне почему-то.

Всё, что истинно, в нём проросло,
Всё, что подлинно, в нём укрепилось,
Опираясь на речь и число,
Полагаясь на Божию милость.

Потому он в себе и несёт
Всё, что в песнях продлится чудесных,
Всё, что сызнова душу спасёт
Во пределах земных и небесных.

* * *

Где в хмельном отрешении пристальны
Дальнозоркие сны,
Что служить возвышению призваны
Близорукой весны,
В обнищанье дождя бесприютного,
В искушение пустом
Обещаньями времени смутного,
В темноте за мостом,
В предвкушении мига заветного,
В коем – радость и весть,
И петушьего крика победного –
Только странность и есть.

С фистулою пичужьею, с присвистом,
С хрипотцой у иных,
С остроклювым взъерошенным диспутом
Из гнездовой сплошных,
С перекличкою чуткою, цепкою,
Где никто не молчит,
С круговую порукою крепкою,
Что растёт и звучит,
С отворённою кем-нибудь рамою,
С невозвратностью лет
Начинается главное самое –
Пробуждается свет.

Утешенья мне нынче дожждаться бы
От кого-нибудь вдруг,
С кем-то сызнова мне повидаться бы,
Оглядеться вокруг,
Приподняться бы, что ли, да ринуться
В невозвратность и висьь,
Встрепенуться и с места бы вскинуться
Сквозь авось да кабысь,
Настоять на своём, насобачиться
Обходиться без слёз,
Но душа моя что-то артачится –
Не к земле ль я прирос?

Поросло моё прошлое, братие,
Забывать да бытьём,
И на битву не выведу рати я
Со зверьём да жульём,
Но укроюсь и всё-таки выстою
В глухомани степной,
Словно предки с их верою чистою,
Вместе с речью родной,
Сберегу я родство своё кровное
С тем, что здесь и везде,
С правотою любви безусловною –
При свече и звезде.

* * *

Откуда бы музыке взяться опять?
Оттуда, откуда всегда
Внезапно умеет она возникать –
Не часто, а так, иногда.

Откуда бы ей нисходить, объясни?
Не надо, я знаю и так
На рейде разбухшие эти огни
И якоря двойственный знак.

И кто мне подскажет, откуда плывёт,
Неся паруса на весу,
В сиянье и мраке оркестр или флот,
Прощальную славя красу?

Не надо подсказок, – я слишком знаком
С таким, что другим не дано, –
И снова с её колдовским языком
И речь, и судьба заодно.

Мы спаяны с нею – и вот на плаву,
Меж почвой и сферой небес,
Я воздух вдыхаю, которым живу,
В котором пока не исчез.

Я ветер глотаю, пропахший тоской,
И взор устремляю к луне, –
И все корабли из пучины морской
Поднимутся разом ко мне.

И все, кто воскресли в солёной тиши
И вышли наверх из кают,
Стоят и во имя бессмертной души
Безмолвную песню поют.

И песня растёт и врывается в грудь,
Значенья и смысла полна, –
И вот раскрывается давняя суть
Звучанья на все времена.

* * *

Размышляя о слове своём,
Поднимаем усталые взоры мы –
И глядим за оконный проём,
В наслоенья за шторами
Пестроты, а потом – желтизны,
А потом – оголённости,
Что кругом, как нарочно, видны
При любой отдалённости.

Там холмов и хребтов на ветру
Виноватая складчина,
Там беспечность вступает в игру,
Да и всякая всячина,
С неизбежностью воли морской
И степной безымянностью,
Чтобы вдруг завершилось тоской
То, что кажется странностью.

Сторониться ли нынче хандры
Или сызнова броситься
В эту мглу, что слепа до поры? –
Только с каждого спросится,
Если выбор щедрот неширок
И сильны убеждения
В том, что нет у незримых дорог
Полосы отчуждения.